

В. Т. Юнгблуд, О. В. Рычкова

Геополитическое измерение «Большой Советской войны»: пресса США 1941 г.

Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Друг-враг: образ Советского Союза в американской прессе в годы Второй мировой войны». РГНФ (10-01-00051а)

Статья посвящена восприятию американской прессой геополитической ситуации 1941 г. Анализируются причины советско-германской войны, ее влияние на развитие международных процессов в различных регионах мира, исследуются возможные геополитические варианты окончания этой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, международные отношения, общественное мнение, геополитика, США, пресса.

V. T. Yungblud, O. V. Rychkova

The geopolitical dimension of the “Great Soviet War”: American press in 1941

The article is devoted to the perception by American press of geopolitical situation of 1941. The causes of the Soviet-German war and its impact on the international relations in different regions a world have been analyzed, options for the end of the war have been investigated.

Keywords: The Second World War, international relations, public opinion, geopolitics, USA, press.

Начало советско-германской войны вызвало в американской прессе некоторое замешательство. С одной стороны, события предыдущих двух лет, в том числе пакт Молотова-Риббентропа и советско-финляндская война предопределили весьма негативный фон для оценок Советского Союза в американской прессе. С другой стороны, американские журналисты были обеспокоены международной ситуацией, характеризовавшейся ростом напряженности в отношениях США и Японии и снижением влияния на международной арене Великобритании, оказавшейся в тяжелейшем положении в войне с Германией. Было очевидно, что если и дальше события будут развиваться таким образом, то Соединенные Штаты вряд ли сумеют остаться в стороне от войны, поскольку, как отмечалось в одном из обзоров популярного в начале 1940-х гг. журнала «Current History», «с началом третьего года войны в Европе «дипломатия силы приобрела характер грандиозного противостояния цивилизаций» [1]. Таким образом, одной из важнейших тем, освещавшихся в американской прессе, стали геополитические реалии, помещенные в контекст советско-германской войны. В числе наиболее часто фигурировавших сюжетов оказались истоки

советско-германского конфликта и возможные в ближайшем будущем и в среднесрочной перспективе международные и военно-стратегические перемены, обусловленные воздействием обстановки на восточном фронте. Естественно, что политические обозреватели всех крупнейших североамериканских периодических изданий принялись за составление прогнозов и геополитическое моделирование исхода великого европейского противоборства. Примечательно, что политическая и идеологическая тонировка как аналитических статей, так и военных репортажей второй половины 1941 г. выбиралась с учетом неожиданного для значительной части читающей публики поворота в развитии международных отношений: СССР, еще совсем недавно считавшийся оплотом тоталитаризма, почти союзником Германии по расчленению и завоеванию Восточной Европы и агрессором в войне с Финляндией, должен был занять место, причем едва ли не самое важное, в коалиции сил, сражавшихся с Гитлером за свободу, демократию и справедливый мировой порядок. Геополитические калькуляции занимали весьма существенное место в массмедийных трансформациях образа СССР.

В подходах к освещению указанных проблем в средствах массовой информации США обнаружился серьезный разброс мнений. Пресса леворадикальной ориентации («New Masses», «Soviet Union News») изначально рассматривала СССР как главную ударную силу в борьбе с фашистско-милитаристской «осью». Либеральные издания, такие как «Nation», «New Republic» отнеслись к новым геополитическим вызовам осторожно, всесторонне оценивая плюсы и минусы возможного советско-британского союза, а также перспективы присоединения к нему Соединенных Штатов. Консервативный газетно-журнальный комплекс («Life», «Fortune», отчасти «Current History») проявил еще большую осмотрительность (временами подозрительность) в трактовке происходивших в мире процессов.

Обращаясь к причинам германского вторжения в СССР, американские журналисты первоочередное внимание уделяли тому обстоятельству, что главные направления наступления немецких войск выбирались с учетом заинтересованности Гитлера в российских ресурсах. Донецкий бассейн как важнейший в Восточной Европе угольный и металлургический регион, Украина – как богатейшая продовольственная, в первую очередь зерновая база, Ленинград и Москва – как промышленные центры с развитой инфраструктурой, обладали громадной ресурсной привлекательностью, которая предопределяла мотивацию нацистского военно-стратегического планирования [2]. Для американских аналитиков мировая война с самого начала осознавалась как глобальный конфликт, в котором главные цели имели как геопропространственные (контроль над территориями и важнейшими стратегическими рубежами), так и энергетические определения. Среди последних на главном месте находилась нефть, обладание которой могло обеспечить успешное ведение войны современными средствами. Нефть была названа двигателем современной войны [3]. «Нефтяная жажда» для Гитлера, – отмечалось в «Fortune», – стала одним из главных аргументов при принятии решения о начале восточного похода [4]. Причем завоевание российских нефтеносных районов, по мнению многих журналистов, для Германии, взявшей курс на мировое господство, могло стать всего лишь промежуточной целью. В случае успеха восточного блицкрига у Гитлера открывались бы блестящие возможности по захвату Ирана, Ирака, выходу к Персидскому заливу и Средиземному морю, а в перспективе и к Суэцу – то есть к тем регионам, ко-

торые являлись главными поставщиками нефти [5]. Отчасти этим обстоятельством объяснялось довольно благосклонное отношение американских журналистов к советско-британскому вторжению в Иран в августе 1941 г.: «Установление контроля над Ираном сразу же затыкает небольшую, но очень важную брешь, обеспечивает защиту нефтяных ресурсов от нападения “оси”, ... и открывает безопасную линию снабжения (СССР – авт.) американскими грузами в направлении от Персидского залива к Кавказу и Каспийскому морю» [6].

«Искушение» нефтью, разумеется, не считалось единственным мотивом германского нападения. В подавляющем большинстве публикаций «крестовый поход против коммунизма» [7] назывался определяющим идеологическим стимулом гитлеровских решений. Однако только идеологической полярностью советской и нацистской систем объяснить причины смертельной схватки между недавними партнерами по августовскому пакту 1939 г. авторы международных обзоров в крупнейших американских изданиях не могли ни себе, ни своим читателям. Очевидно, прагматичным американцам надо было предъявить и другие аргументы, таким образом, геополитические доводы в данном случае оказались весьма кстати.

Среди непосредственных поводов для нападения Германии на СССР уже в первые недели после начала вторжения прозвучала версия превентивного удара, не так давно пережившая второе рождение благодаря «открытиям» В. Суворова. В изложении постоянного автора «Current History» С. Фея она сводилась к тому, что занятая изнурительной войной с Великобританией, Германия, ранее не помышлявшая о нападении, просто не могла себе позволить бездействовать перед лицом неизбежного «предательского нападения коммунистической Красной Армии» на незащищенную немецкую восточную границу. Впрочем, тема упреждающего удара не стала доминирующей в работах этого автора. В целом его выводы достаточно объемно раскрывали геополитический подтекст состояния дел на советско-германском фронте и затронули широкий спектр многократно повторенных позднее историками и публицистами положений, суммирующих причины гитлеровской агрессии: растущее у немцев чувство тревоги в связи расширением подвластной России территории в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии; отказ СССР продолжить поставки зерна, нефти, марганца и других товаров, жизненно необходи-

мых рейху; стремление к захвату необходимых для ведения войны и будущего процветания германской нации российских природных богатств; психологическая потребность в новых победах, которые должны были обеспечить прочность режима [8].

Советско-германское противостояние летом-осенью 1941 г. в сознании американских корреспондентов и аналитиков должно было проецироваться на две фундаментальные смысловые плоскости. С одной стороны, в начавшейся на востоке Европы войне СССР объективно оказывался в одном лагере с Великобританией и другими борющимися против фашизма государствами. Поскольку публичные заявления руководителей страны в июне-июле и Атлантическая хартия в августе 1941 г./ уже зафиксировали как отношение США к глобальному конфликту, так и военные цели страны, то было очевидно, что оформление союзнических отношений между Вашингтоном и Москвой – вопрос времени. Для большинства многотиражных изданий слишком быстрая смена обстановки на международной арене создавала существенные неудобства. СССР совсем недавно не только для консервативных, но и для многих либеральных изданий был частью враждебного идеологического дискурса, «агрессором», исповедующим чуждые ценности. Память американцев, безусловно, все еще хранила эти определения, и сейчас им необходимо было противопоставить содержательно новые конструкции. С другой стороны, владельцы всех без исключения массмедийных средств вполне осознавали, что «события в России определяют развитие ситуации и в отношении Японии, и в отношении Турции, и в отношении будущей судьбы западного полушария» [9]. Глобальный характер военно-стратегических и международных процессов способствовал исключению на какое-то время идеологических расхождений с Кремлем из списка пропагандистских и мировоззренческих доминант. Геополитические расчеты мгновенно заполнили освободившееся место. Однако замена произошла не сразу и не в полном объеме.

Тот факт, что вступление СССР в войну сразу же изменило расстановку сил в благоприятную для англо-саксонских держав сторону, был усвоен сразу. В «Nation» в связи с этим отмечалось, что Гитлер «своим нападением на Советский Союз фактически полностью утопил огромную нацистскую армию в просторах континента, столкнувшись с единственной армией в мире (кроме собственно нацистской), которая обучена

и подготовлена к современной механизированной войне» [10]. Приведенная формулировка и другие, подобные ей, пока не содержали ни политических, ни эмоциональных оценок. Имела место обычная констатация: Гитлер рискует, его противник слишком силен и поставленная цель, возможно, недостижима даже для немецких армий; СССР является жертвой нападения и пока – всего лишь объектом (правда, весьма могущественным) его устремлений. Таким образом, те риски, с которыми приходится иметь дело фюреру, имели отношение не столько к боевым качествам Красной армии, сколько к тем стратегическим ошибкам, которые он совершает. Отсюда и исторические параллели с О. фон Бисмарком, которого всегда мучили «кошмары коалиций», тем более, что сам Гитлер в «Mein Kampf» соглашался с мыслями «железного канцлера» об угрожающих геополитических последствиях войны Германии на два фронта [11].

Примечательно, что сам факт нападения Германии на СССР в одночасье не направил сознание американских политических обозревателей в формат союзнических прогнозов. Инерция довоенных стереотипов продолжала влиять на характер представленных в средствах массовой информации материалов. Какое-то время предполагаемая советская угроза осознавалась, по сути, наравне с нацистской. Тем не менее, развитие событий на восточном фронте заставляло выстраивать логику рассуждений авторов политических обзоров в соответствии с принципом наименьшего зла. «Foreign Affairs», например, обозначил свое пока еще не слишком толерантное отношение к СССР следующим пассажем: «Нацистское нападение на большевистскую Россию заканчивает один кошмар и начинается другой. Зловещая перспектива коалиции между двумя крыльями мировой революции, которая часто посещала умы западных государственных деятелей в течение пяти лет, была растоптана бронетанковыми дивизиями Гитлера. Теперь возникла иная пугающая перспектива – угроза того, что Германия будет управлять природными и трудовыми ресурсами, сосредоточенными на обширной территории, простирающейся от Богемии до Гималаев и Персидского залива, и что она воспользуется ими для того, чтобы установить свою власть над всей Азией» [12]. СССР, таким образом, одним лишь фактом своего героического сопротивления агрессору пока еще не заслуживал реабилитации за свой недавний альянс с рейхом. Более того, если раньше его потенциал оце-

нивался высоко и воспринимался как угроза в случае укрепления советско-германских отношений, то теперь, в качестве главной угрозы предлагалось воспринимать уже военную слабость России, которая в случае быстрого падения открывала бы Гитлеру путь к господству на континенте. Такой циничный анализ отодвигал на дальний план любые сентенции морального (страдания и гибель миллионов людей) и идеологического (политика и идеология Кремля были безусловно враждебны нацизму) плана. Американцам предъявлялись тексты, из которых следовало, что СССР следует поддерживать только потому, что его борьба может помешать Германии обрести силу, достаточную для того, чтобы реально угрожать Соединенным Штатам.

Европейские аспекты геополитических трактовок советско-германской войны имели две грани. С одной стороны, присутствовало понимание того, что за счет открытия восточного фронта должна стабилизироваться ситуация на западе Европы; с другой – в американской геополитической ментальности присутствовала мысль о том, что, если СССР потерпит поражение, то с этого момента «настоящие неприятности только начнутся. Гитлер получит доступ к огромному богатству. Он будет свободен от угрозы нападения с тыла. Он пойдет на заключение мира только на тех условиях, которые будут выгодны ему» [13]. Решающим аргументом для определения отношения американцев к СССР при таком раскладе становилось то, что «Россия ... в случае победы, не будет вторгаться в США, тогда как Германия, вероятно, пойдет по этому пути» [14].

Воображению некоторых журналистов рисовались апокалиптические картины грядущей опасности, которая могла обрушиться на беззащитную Америку после того, как фюрер, покрыв Европу, создаст гигантскую нацистскую цитадель от Эльбы до Амура, укрепившись в которой и воспользовавшись богатствами Украины, Кавказа и Урала, вооруженные силы Германии смогут наносить удары в любом направлении. Гитлер изображался почти как новый Атилла, учреждающий «мистическую колыбель власти над миром» [15]. Джозеф Дэвис, считавшийся в тот момент весьма искушенным экспертом, поскольку перед войной в течение нескольких лет работал послом в Москве и Брюсселе, предсказывал: «Если Гитлер победит Великобританию и Россию, ... вне сомнений, следующими на очереди окажемся мы» [16]. Впрочем, в отличие от подавляющего большинства авторов, он коммен-

тировал все, что происходило на советско-германском фронте, в выражениях, способных вызывать симпатию и сочувствие к СССР.

Глобальный размах войны существенно повысил внимание американских периодических изданий к различным регионам Азии. И вновь рассуждения авторов, как правило, привлекали внимание читателей к действительным и мнимым угрозам для США и англосаксонского тандема. Примечательно, что тезис об агрессивности России не исчез со страниц консервативной периодики даже тогда, когда нацистский блицкриг на востоке казался неудержимым. В июле 1941 г. «Fortune» счел необходимым напомнить читателям: «Россия, ... вне зависимости от формы политического режима, имеет стойкое историческое убеждение в том, что в целях безопасности ей необходимо прорваться к океану. Её путь к Тихому океану блокируется Японией. Между СССР и Атлантикой стоит Германия. Только через Индию или Среднюю Азию Россия может реализовать свою древнюю амбицию. Угроза, исходящая от СССР в Средней Азии ... очевидна и объясняет причины, из-за которых Великобритания вынуждена держать большие силы на подступах к Индии» [17]. Приведенные строки были опубликованы в тот момент, когда немецкие дивизии рвались к Киеву, Смоленску и Ленинграду. С политической и военно-стратегической точек зрения международная ситуация, сложившаяся к середине лета 1941 г., осознавалась автором этой статьи, по меньшей мере, не точно: всего через месяц советские и британские войска вошли в Иран, положив начало сотрудничеству двух держав в этом регионе, и эта акция получила одобрение правительства США. Очевидно, цель публикации в данном случае заключалась не в том, чтобы адекватно охарактеризовать военно-политические приоритеты антифашистских стран, а в создании у читателей психологической установки на то, что независимо от поворотов мировой политики цели России будут оставаться экспансионистскими, зависящими от неизменного перечня геополитических доминант.

В число таких доминант включался и Дальний Восток с той лишь разницей, что Соединенные Штаты уже давно декларировали свою заинтересованность в делах этого региона. С ним же было связано ощущение наибольшей уязвимости. Очевидно, именно по этой причине анализ последствий советско-германской войны для восточных рубежей Евразии носил деловитый и прагматичный характер. В большинстве публикаций гово-

рилось о том, что в случае поражения СССР США придется иметь дело с двумя крайне неприятными опасностями. Во-первых, Германия в этом случае могла установить контроль над транссибирской железной дорогой и вплотную приблизиться к Аляске [18]. Во вторых, успехи рейха активизировали Японию, которая получала шанс вторгнуться в Сибирь и значительно укрепить свое «стратегическое положение на Тихом океане» [19]. И в том и в другом случае противник (а качестве такового в равной степени идентифицировались как немецкие, так и японские войска) получал контроль над территорией, расположенной в непосредственной близости от границ США» [20].

Основания для опасений по поводу агрессивных намерений Японии, безусловно, имелись. Помимо общего, весьма недружественного фона в американско-японских отношениях, американские читатели были прекрасно информированы о том, что с вступлением в войну СССР ускорилась поляризация сил противоборствующих лагерей. В войну на стороне Германии вступили Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия. Турция колебалась, но, будучи связанной пактом о дружбе и ненападении с Германией, проявляла довольно лояльное отношение к державам «оси». Япония, где хорошо знали о том, какие сводки поступают с советско-германского фронта, «стала вести себя намного агрессивнее по отношению к Соединенным Штатам» [21]. С учетом данных обстоятельств вполне объяснимым было пожелание «Nation», чтобы Россия «более четко обозначила свое отношение к Японии» [22].

Во второй половине 1941 г. не только руководство США, но и подавляющее большинство средств массовой информации уже не допускали мысли о том, что Западному полушарию удастся остаться вне войны. С её результатами связывалась выживаемость демократии как таковой. Американская читающая аудитория испытывала сильное идеологическое давление. Периодические издания были «пропитаны» призывами осознать «катастрофичность последствий возможных исторических перемен», способных опрокинуть привычный для граждан США мир с его системой ценностей, значений, отношений [23].

В сознание американцев уже достаточно прочно была внедрена мысль о том, что этот мир придется защищать с оружием в руках. Но расстояние между осознанием неизбежности борьбы и решимостью вступить в неё на стороне воюю-

щих с фашизмом государств продолжало оставаться внушительным. Геополитические рассуждения использовались политическими обозревателями как для того, чтобы увеличить этот разрыв, так и для полного преодоления последних сомнений в необходимости более решительных действий.

Возможность возведения СССР в ранг потенциального союзника, определение допустимого уровня солидаризации с ним, выбор тональности и темпов неизбежной при таких обстоятельствах идеологической рекогносцировки (а для этого потребовалось бы переписать довоенный образ России, признав Кремль защитником ценностей американского общества) ставились в зависимости от результатов советско-германского противостояния. Но именно в этом вопросе прогнозы различных изданий отличались наибольшим разнообразием. «Current History», например, в разгар битвы под Москвой уверял, что сопротивление России будет окончательно сломлено уже в ближайшие недели, из чего делался вывод о бессмысленности оказания ей материальной помощи [24]. Инерция изоляционистских и антисоветских взглядов сквозила и в публикациях «New Republic», в которых предлагалось «взвешенно подходить к решениям о выделении помощи в рамках ленд-лиза», исключая из перечня стран, получающих военные материалы, «сомнительные регионы». СССР был отнесен к числу таких стран по причине «ненадежности Сталина», якобы готового пойти на подписание сепаратного мира с Гитлером. Уже упоминавшийся С. Фей сомневался в возможности такого сговора, но аргументировал свои выводы не «благонадежностью» советского руководства, а предположением, что Гитлер не пойдет ни на какие соглашения, поскольку не пожелает отказаться от захвата «колоссальных запасов зерна, нефти и других ресурсов, необходимых для войны с Великобританией» [25].

Инерция довоенных представлений об СССР, сохранявшаяся летом-осенью 1941 г., существенно влияла на характер оценок последствий возможного поражения Германии в войне для США и международных отношений в целом. Положение об опасности замены одной угрозы на другую – «коричневой, нацистской» на «красную, коммунистическую» – было наиболее характерным её проявлением [26]. В свете этой концепции даже движение Сопротивления в Европе называлось «советской пятой колонной» [27]. Довольно широкое распространение получили ре-

комендации воспользоваться ситуацией, чтобы извлечь максимальные выгоды из длительного и изнуряющего обе стороны советско-германского поединка. В рамках такого подхода начавшееся военное сотрудничество СССР и Великобритании рассматривалось как вынужденная и временная мера. Соединенным Штатам предлагалось играть роль выжидающей стороны, поддерживающей более слабого из противников и готовой всей своей мощью вмешаться в борьбу в её финальной стадии, чтобы обеспечить свои интересы в ключевых регионах мира [28]. Подобные подходы составили весьма заметный, но не доминирующий трек в периодических изданиях 1941 г. Их интенсивность неуклонно снижалась по мере замедления темпов продвижения нацистских армий вглубь России.

Сначала заметным, затем преобладающим, а к концу 1941 г. господствующим направлением в прогнозировании промежуточных и итоговых результатов восточного похода вермахта стало либеральное, основанное на убеждении в неизбежности провала «молниеносной войны». Из этой посылки вытекало, что борьба примет затяжной характер, в нее включатся новые государства и регионы, соответственно, шансы Гитлера на победу будут становиться все более призрачными. Таким образом, на Россию предлагалось смотреть как на серьезного партнера, а в перспективе – одного из главных субъектов международных отношений, способного принять деятельное участие в создании архитектуры будущего международного порядка.

Рассматривая изменение геополитической картины мира за предшествующие двадцать лет в контексте истории становления и краха Версальской системы, газеты либерального толка предупреждали об опасности игнорирования геополитических интересов России и недооценки её военно-политического и морального потенциала. Читателям напоминали о крахе интервенции в Россию в 1918–1919 гг., когда она была обескровлена Первой мировой войной и революцией и казалась легкой добычей. Одной из причин «скатывания» мира ко Второй мировой войне называлось бойкотирование советского внешнеполитического курса в 1930-х гг. Используя эти аргументы, а также факты реального положения дел на восточном фронте, Вера М. Дин, например, предупреждала, что наиболее вероятными итогами Второй мировой войны будут крах Германии и возрастание авторитета и влияния СССР. Исключение Советской России из числа главных

субъектов мировой политики будет попросту невозможным [29]. Другой либеральный публицист Макс Лернер также отмечал, что для формирования новых межгосударственных отношений и укрепления международной стабильности после победы мир будет нуждаться в «устойчивом взаимопонимании между Америкой, Великобританией, Россией и Китаем» [30]. Такой прогноз предвосхитил многие геополитические выкладки более поздних периодов войны, включая точное перечисление предполагаемых главных акторов мировой политики.

Весьма примечательно, что среди авторов, приводящих геополитические аргументы в своих статьях о целесообразности скорейшего включения США в коалиционную войну, был один из ведущих политических обозревателей и теоретиков международных отношений Уолтер Липпман. Анализируя довоенные просчеты США, он предлагал как можно быстрее продвигаться в направлении создания прочного союза с «великими державами Европы и Азии, которые борются с невероятным упорством – с британцами, китайцами, русскими» [31].

Последовательно набиравший силу поток либеральных публикаций к концу 1941 г. создавал преобладающий эмоциональный и смысловой фон в весьма насыщенной информационной среде Соединенных Штатов Америки. Этот поток постепенно поглощал более радикальные оценки левой прессы, не растворяя их в себе, но формируя совместно с ней массовую общественную установку на антифашистское коалиционное действие. Указанный интеграционный процесс объективно соответствовал интересам администрации Ф. Д. Рузвельта, уже 22 июня 1941 г. заявившей о намерении поддерживать СССР в войне и поступательно продвигавшейся к участию в антигитлеровской коалиции. Зафиксированная либеральной прессой новая геополитическая расстановка поместила США и СССР по одну сторону фронта, а этот факт существенно облегчал формирование характерной для военного времени коалиционной идеологической палитры.

Однако до полного обеления Кремля дело так и не дошло ни в конце 1941 г., ни позднее. И в администрации и в общественном мнении преобладающим оставалось положение о том, что «СССР – идеологически и политически чужд ценностям американской демократии, но наличие общего врага создавало условия для сотрудничества между Москвой и Вашингтоном» [32]. Неслучайно в консервативной прессе во второй по-

ловине 1941 г. содержались нелестные, а порой и откровенно враждебные по отношению к СССР оценки военных целей и политических мотивов Кремля. Недоверие части издателей к Советской России сдерживало процесс адаптации массового сознания к новым геополитическим реалиям. Однако примеры героического сопротивления Красной армии наряду с фактором наличия общего врага обусловили утверждение идеи участия США в коалиционной войне в качестве главного смыслового стержня публикаций большинства авторов, тем самым оставляя в относительно изолированном положении откровенно антисоветские и изоляционистские издания. Признание русского фронта важнейшим из всех театров войны стало значимой чертой мышления политически активной части населения США, и геополитические расчеты сыграли существенную роль в этом акте преобразования массового сознания.

Примечания

1. Benson O. The Contest of the New World Orders // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 2. October. P. 133.
2. Fighting for Moscow // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 16. 20 October. 497; Werner M. Prospects for the Red Army // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 20. 17 November. P. 648.
3. Treasures of Caucasus // *Life*. 1941. Vol. 11. № 15. 13 October. P. 44.
4. The Paradox of Oil and War // *Fortune*. 1941. Vol. № 23. September. P. 106.
5. War Gives U. S. Two-Front Job// *Business Week*. 1941. № 628. 13 September. P. 78; The Paradox of Oil and War // *Fortune*. 1941. Vol. № 23. September. P. 108.
6. Brockway Th. P. The Purge of Iran // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 2. October. P. 162.
7. См., например: Mitchell D. W. Balance Sheet of the War // *Nation*. 1942. Vol. 154. № 2. 10 January. P. 29.
8. Fey S. The German Cannot Take It? // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 2. October. P. 109–110.
9. Repercussions from Moscow // *Business Week*. 1941. № 633. 18 October. P. 74.
10. Stone I. F. F. D. R. 's First Task // *Nation*. 1941. Vol. 153. № 8. 23 August. P. 155.
11. Fey S. The Germans Cannot Take It? // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 2. October. P. 109.
12. Hopper B. C. The War For Eastern Europe // *Foreign Affairs*. 1941. Vol. 20. № 1. October. P. 18.
13. America's New Policy Toward Soviet Russia // *United States News*. 1941. Vol. 11. № 1. 04 July. P. 9.
14. The Anglo-Soviet Pact. An Editorial // *New Masses*. 1941. Vol. 40. № 4. 22 July. P. 3.
15. Geopolitics // *Fortune*. 1941. Vol. 24. № 5. November. P. 114.
16. Dangers Facing America If Siberia Falls to Hitler // *U. S. News*. 1941. Vol. 11. № 2. 11 July. P. 16.
17. Grand Strategy of World War II // *Fortune*. 1941. Vol. 24. № 1. July. P. 70.
18. Dangers Facing America If Siberia Falls to Hitler // *U. S. News*. 1941. Vol. 11. № 2. 11 July. P. 16.
19. Ibidem.
20. America's New Policy Toward Soviet Russia // *United States News*. 1941. Vol. 11. № 1. 04 July. P. 11.
21. Russia is Our All // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 13. 29 September. P. 391.
22. Our Grad Strategy // *Nation*. 1941. Vol. 153. № 24. 13 December. P. 601.
23. Why this is Our War // *New Masses*. 1941. Vol. 40. № 2. 8 July. P. 3.
24. Barck O. T. Nearer to «Shooting War» // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 3. November. P. 209.
25. Fey S. The Germans Cannot Take It? // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 2. October. P. 110.
26. Why this is Our War // *New Masses*. 1941. Vol. 40. № 2. 8 July. P. 3.
27. Europe: How It Resists // *Fortune*. 1941. Vol. 24. № 6. P. 130.
28. Why this is Our War// *New Masses*. 1941. Vol. 40. № 2. 8 July. P. 4; Pulme Datt R. Britain and the Soviet Union // *New Masses*. 1941. Vol. 40. № 2. 8 July. P. 7.
29. Dean V. M. The Kremlin's Foreign Policy // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 20. 17 November. P. 647.
30. Lerner M. Russia Today // *New Republic*. Vol. 105. № 20. 17 November. P. 643.
31. Lippmann W. America's Great Mistake // *Reader's Digest*. 1941. Vol. 38. 235. September. P. 13-5.
32. Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров. 1998. – С. 23.